

МАСКА ХЁТТОКО

У перил моста Адзумабаси теснятся люди. Время от времени к ним подходит полицейский и уговаривает всех разойтись, но толпа тут же смыкается снова. Все ждут, когда под мостом пройдут лодки, направляющиеся на праздник любования цветами вишни.

По одной и по две лодки плывут с низовьев вверх по реке, которую уже начал приподнимать прилив. На многих натянут парусиновый тент, а по бокам его свешиваются занавески — белые в красную полосу. На носу водружены флаги и развевающиеся вымпелы в старинном вкусе. Похоже, что все, сидящие в лодках, слегка навеселе. В просветах между занавесками можно различить игроков в кэн¹ — обмотав голову полотенцем на манер женщин из весёлого квартала Ёсивара или торговок рисом, они выкрикивают: «Один, два!» Видно, как кто-то силится петь, качая в такт головой. Тем, кто смотрит на них с моста, всё это чистая потеха. Когда мимо проплывают лодки с музыкантами — и с традиционными

¹ *Кэн* или *сансумикэн* — игра с помощью фигур, образуемых из пальцев руки.

инструментами, и с европейскими — зеваки на мосту раздражаются громкими возгласами. Кто-то даже кричит: «Вот дурачьё!»

С моста река похожа на оловянную пластинку, белым всполохом отражающую солнце, время от времени проходящие катера поднимают поперечную волну, добавляя к поверхности позолоту. Кажется, что бодрый стук барабанов, звуки флейты и сямисэна вонзаются в эту разглаженную водную поверхность, как укусы вшей. От кирпичных стен фабрики, где варят пиво «Саппоро», и далеко за насыпь тянется что-то припорошённое копотью, белёсое, тяжеловесное — это и есть вишни, которые сейчас в цвету. У пристани Кототои виднеется множество японских и европейских лодок. Шлюпочный сарай университета заслоняет их от солнца, и отсюда видно только, как движется какая-то колышущаяся тёмная масса.

Вот из-под моста вынырнула ещё одна лодка. Как и все прежние, это большая ладья старинной японской постройки, и она тоже направляется на праздник любования цветущей вишней. Укрепив на лодке красно-белые занавески с полосатым вымпелом таких же цветов, гребцы, повязав на голову одинаковые полотенца с нарисованными на них алыми цветками вишни, поочерёдно то делают взмах единственным веслом, то отталкиваются шестом. И всё же лодка идёт не очень быстро. В тени занавесок виднеется человек десять. Пока лодка ещё не вошла под мост, они наигрывали на двух сямисэнах не то мелодию «И среди слив весна», не то ещё что-то, а когда песня кончилась, оркестр заиграл

какую-то разухабистую музыку, да ещё с ударами гонга. На мосту снова раздался дружный смех. Понесся плач ребёнка, прижатого в давке. И пронзительный женский голос: «Ох, да вы посмотрите только! Пляшет!» Какой-то невысокий человек, напялив на себя шутовскую маску Хёттоко¹, выделялся в лодке под музыку нелепый танец.

Он снял верхнюю накидку из ткани титибу и выставил на обозрение яркую нижнюю сорочку — средняя часть её была сшита из парчи юдзэн, а рукава к ней были приделаны из блёклого сжатого ситца. Что он изрядно выпил, было ясно уже потому, что ворот его с чёрным обшлагом оказался всюду распахнут, тёмно-синий пояс развязался и болтался сзади. Плясал он тоже, разумеется, неизвестно как. То есть можно было догадаться, что он хочет изобразить священный танец, какой исполняют на прихрамовых праздниках, но вместо этого у него выходили совсем уж нелепые и неуклюжие телодвижения. Видно было, что человек так напился, что уже не может управлять своим телом, а иногда казалось, что он попросту не может удержать равновесия и из всех сил машет руками и ногами, чтобы ненароком не свалиться в воду.

Это было ещё смешней, и на мосту оживлённо загалдели. Смех перемежался критическими замечаниями:

¹ *Хёттоко* — название маски и совершаемого в ней комического танца. Маска Хёттоко изображает гротескное лицо с прищуренными глазами, свёрнутым на сторону носом и огромным, сильно искривлённым ртом — считается, что она изображает лицо человека, из всех сил дующего на огонь (*хиотоко*, «огненный парень»).

— Ты только погляди на эту фигуру!
— Да, веселится вовсю! И откуда это чучело?!
— Потеха! Ой, смотрите, споткнулся на ровном месте!

— Танцы-то лучше затевать на трезвую голову!
И всё в таком духе.

Тем временем, — выпитое, что ли, подействовало сильнее, — движения танцора становились всё более странными. Голова его с завязанным у подбородка полотенцем с вишенным узором задёргалась, как стрелка испорченного метронома, он несколько раз подряд чуть не выпал за борт лодки. Лодочник явно забеспокоился и дважды окликнул его сзади, но тот, казалось, и не слышал.

И тут боковая волна от шедшего наискосок катера сильно качнула дно лодки. Маленькая фигурка Хёттоко, будто удар пришёлся прямо по ней, подалась на три шага вперёд, описала последний большой круг и, на секунду замерев, как остановившийся волчок, упала навзничь на дно лодки, задрав ноги в вязаных носках.

Зеваки на мосту грянули смехом. В лодке от этого происшествия, кажется, даже сломалась ручка сямисэна. Через занавески видно было, как вся эта только что шумно веселившаяся хмельная компания пришла в смятение, одни вскочили с сидений, другие, наоборот, сели. Гремевший вовсю оркестр внезапно умолк, словно захлебнулся. Слышны были только громкие голоса. Там, как видно, произошло что-то неожиданное. Через некоторое время из-под тента выглянул человек с красным лицом и, растерянно жестикулируя, что-то скороговоркой сказал гребцу.

Тогда лодка почему-то сменила направление и двинулась не в ту сторону, где цвели вишни, а к противоположному берегу, в сторону гостиницы в горах.

О внезапной смерти человека в маске зеваки на мосту узнали спустя десять минут. Более подробные сведения были помещены в газете на следующий день в отделе «Разное». Там было сказано, что имя этого Хёттоко Ямамура Хэйкити и что умер он от кровоизлияния в мозг.

* * *

Ямамура Хэйкити — владелец полученной в наследство от отца лавки художественных принадлежностей в Вакамацу-мати, в районе Нихомбаси. Умер он в возрасте сорока пяти лет, оставив тощую вешущатую жену и служившего в армии сына. Они были не слишком богаты, но всё же держали при лавке двоих-троих приказчиков и, в общем, жили, по-видимому, не хуже других. Рассказывают, что во время японо-китайской войны они занялись скупкой малахитового пигмента где-то в окрестностях Акиты и не прогадали, а раньше у лавки только и было хорошего, что репутация старой фирмы, постоянных же клиентов — раз-два и обчёлся.

Хэйкити — круглолицый, лысоватый, с мелкими морщинами вокруг глаз, чем-то комичный и со всеми подобострастно любезный. Больше всего он любит выпить и во хмелю ведёт себя вполне сносно. Одно только плохо — как выпьет, так и принимается за свои странные танцы. Как сам он рассказывал, началось всё с того, что он учился танцевать у хозяйки заведения Тоёды на улице Хаматё, бравшей

уроки танцев для прихрамовых танцовщиц-жриц мико; в те времена и в Симбаси, и в Ёситё эти танцы были в большом ходу. Но, конечно, гордиться своим искусством ему не приходится. Грубо говоря — танцы его какие-то сумасшедшие, выражаясь помягче — ну, малость получше, чем у Кисэна¹. Однако он и сам, видно, это сознаёт и в трезвом виде даже не упоминает о своих священных танцах. «Ямамура-сан! Изобрази-ка нам что-нибудь!» — просят его, бывало, но он только отшучивается. Но стоит ему приложиться к божественному напитку, как он тотчас повязывает голову полотенцем, подражает звукам флейты и барабана, становится в позу и начинает поддёргивать плечами, обуреваемый неудержимым желанием танцевать в маске Хёттоко свои шутовские танцы. А стоит ему начать, как он впадает в раж и уже не может остановиться. Есть при этом сямисэн и пение или нет — это его несколько не волнует.

Уже два раза под пагубным действием выпитого он падал и терял сознание, как при апоплексии. В первый раз это случилось в бане, когда он обливался горячей водой и вдруг рухнул на цементную раковину. Тогда он только ушиб поясницу и уже через десять минут пришёл в себя. Во второй раз он упал дома, в амбаре. Позвали врача, и на этот раз, чтобы привести его в чувство, потребовалось уже полчаса. Врач тогда настрого запретил ему пить. Некоторое время он воздерживался самым похвальным

¹ *Кисэн* — один из «Шести Бессмертных», легендарный поэт раннесредневековой Японии. Здесь речь идёт о полукомическом танце в спектакле театра Кабуки, который исполняет актёр в роли Кисэна — он подражает движениям женщины, при этом на голову ему накинута фартука.

образом, но продлилось это недолго. Объявив «ну я только один стаканчик», он постепенно увеличивал дозу, и не прошло и полумесяца, как незаметно возвратился к старому. Однако он по этому поводу особенно не огорчился и время от времени заявлял: «А совсем не пить, так для здоровья, наоборот, только хуже будет».

* * *

Но пьёт Хэйкити не только из физической потребности, как он сам всем объясняет. Он не может отказаться от выпивки и по психологическим причинам. Ведь только когда он под хмельком, он делается отважным и не смущается ничьим присутствием. Хочется ему танцевать — танцует, хочется спать — спит. И никто ему не указ. А для Хэйкити это важнее всего. А почему, собственно? Этого он и сам не понимает.

Он знает только, что когда выпьет, то становится другим человеком. Натанцует, бывало, до упаду, а как протрезвеет и скажут ему: «Ну ты и хорош был вчера», — он сразу смущается и привычно врёт: «Да я как выпью, так уж ничего не соображаю. Утром встал — и совсем не помню, что вчера делал. Как во сне». На самом деле он отлично помнит, как сначала танцевал, а потом заснул. И трудно себе представить, что тот вчерашний Хэйкити, чётко запечатлевшийся у него в памяти, и Хэйкити сегодняшней — один и тот же человек. Какой из них настоящий, — он и сам толком не понимает. Пьян он бывает иногда, в остальное время — трезв. Выходит, трезвый Хэйкити — и есть настоящий, но, как это ни странно,

сам Хэйкити не может поручиться ни за то, ни за другое. Ведь то, чего он потом стыдится, почти всегда совершается в пьяном виде. Танцы — это бы ещё ладно. Но он играет в цветочные карты¹. Покупает женщин. Словом, делает такое, о чём тут и не напишешь. Кому же захочется утверждать, что в подобных делах и выражается его истинное «я»? У бога Януса два лица, и никому не ведомо, какое из них настоящее. Так и с Хэйкити.

Я уже сказал, что Хэйкити трезвый и Хэйкити пьяный — два совершенно разных человека. По части вранья Хэйкити трезвый мало кому уступит. Иногда он и сам это понимает. Однако это не значит, что он плетёт свои выдумки ради выгоды или расчёта. Лжёт он почти бессознательно. Солгав, сам тут же примечает это, но, пока говорит, подумать о последствиях не в состоянии.

Хэйкити и сам не мог бы объяснить, зачем прикидывается. Но стоит ему с кем-нибудь заговорить, как с языка сама собой срывается ложь, о которой он до того и не помышлял. Однако это не особенно его тяготит. И не кажется чем-то дурным. Поэтому что ни день Хэйкити городит свои рассказы безо всякого стеснения.

* * *

Хэйкити как-то рассказывал, что одиннадцати лет поступил в услужение в писчебумажный магазин

¹ *Цветочные карты* — японская разновидность европейских игральных карт, завезённых на Острова миссионерами-иезуитами в XVI в. Азартные игры на деньги скоро были запрещены, таким образом, Хэйкити, надо думать, играл в каком-то подпольном заведении.

в Минами-Дэмматё. Хозяин его был ревностный адепт буддийской школы Тэндай и даже к ужину не прикасался, не произнеся перед тем соответствующей сутры. И вот через два месяца после появления Хэйкити в магазине, повинувшись какому-то неожиданно порыву, хозяйка сбежала в чём была с молодым приказчиком. То ли потому, что хозяин, помешанный на Лотосовой сутре, увидел, что не помогла ему сутра сохранить лад в семье, но рассказывали, что он решил перейти в другую буддийскую школу — Дзёдо, бросил в реку изображение бодхисаттвы Тайсяку, положил под котёл изображение пресветлой богини с семью ликами и сжёг его дотла, — говорят, много тогда шуму было.

По словам Хэйкити, он прожил там до двадцати лет и, бывало, плутовал со счетами и тогда отправлялся куда-нибудь поразвлечься. У него даже сохранились неприятные воспоминания — об одной женщине, с которой он был близок и которая как-то предложила ему совершить вместе самоубийство по сговору. Тогда ему удалось под разными предложениями выйти из положения и улизнуть, а через три дня он узнал, что она всё-таки совершила самоубийство — вместе с работником из мастерской металлических украшений. Человек, с которым она прежде была близка, ушёл к другой, и назло ему она хотела умереть с первым встречным.

Когда Хэйкити исполнилось двадцать, умер его отец, и тогда, взяв в лавке расчёт, он поехал домой. Прошло примерно полмесяца, и как-то приказчик, служивший ещё при жизни отца, попросил молодого хозяина написать письмо. Это был человек лет

пятидесяти, надёжный и серьёзный, он в то время повредил себе пальцы правой руки и не мог писать. Приказчик этот попросил сообщить в письме следующее: «Всё идёт как надо, скоро приеду», — так Хэйкити и написал. Письмо было адресовано женщине, и Хэйкити поддразнил его: «Смотрите-ка! А вы, оказывается, человек умелый!» — на что тот ответил: «Это, изволите ли видеть, письмо моей старшей сестре». И вот через три дня этот человек ушёл из дому, сказав, что идёт к клиентам за заказами, и больше не вернулся. При проверке счетов обнаружилась огромная недостача. Письмо, по всей вероятности, было адресовано любовнице. Где ещё сыщешь такого остолопа, как Хэйкити, который сам же ещё взялся и написать это послание!..

Всё это были выдумки. Но без этих выдумок в жизни Хэйкити (той, что известна людям), наверно, ничего и не останется.

* * *

Наверняка Хэйкити был уже в подпитии, когда позаимствовал у весёлой компании маску Хёттоко и сел в лодку, отправлявшуюся на праздник цветущей вишни.

Я уже рассказывал, что он упал на дно лодки и умер прямо во время своего танца. Вся компания, конечно, перепугалась донельзя. Но больше всех шокирован был мастер игры на сямисэне в стиле киёмото-буси, которому Хэйкити свалился буквально на голову. Потом тело его перекатилось на красное одеяло, расстеленное на шкафуте лодки, где были

разложены рулетики с рисом, обвёрнутые сушёными водорослями, и варёные яйца.

— Что за шутки? А если б ты поранился?! — сердито сказал староста квартала, всё ещё думая, что Хэйкити продолжает дурачиться. Но тот не пошевелился.

Сидевший рядом со старостой владелец парикмахерской, заподозрив неладное, потряс Хэйкити за плечо и окликнул его: «Хозяин, эй, хозяин!» — но Хэйкити опять ничего не ответил. Парикмахер взял его за руку и почувствовал холод. Вдвоём они подняли Хэйкити. Все, кто был в лодке, встревожившись, вытянули шеи. «Хозяин, эй, хозяин, эй!» — встревоженно кричал парикмахер.

И тут едва различимый звук — не то вздох, не то голос — послышался старшине из-под маски. «Маску... снимите... маску...» Старшина с лодочником дрожащими руками стянули с головы Хэйкити полотенце и маску.

Но то, что они увидели под маской, уже не походило на обычное лицо Хэйкити. Мелкий его нос заострился, губы потеряли цвет, по бледному лбу градом катился пот. Никто бы теперь не узнал в нём весельчака, комика, балагура Хэйкити. Не переменялась только скривившая вытянутые губы, притворно глуповатая, безмолвно смотрящая с красного одеяла вверх на Хэйкити маска Хёттоко.

АД ОДИНОЧЕСТВА

Этот рассказ я слышал от матери. Мать говорила, что слышала его от своего прадеда. Насколько рассказ достоверен, не знаю. Но, судя по тому, каким человеком был прадед, я вполне допускаю, что подобное событие могло иметь место.

Прадед был страстным поклонником искусства и литературы и имел обширные знакомства среди актёров и писателей последнего десятилетия правления Токугавы¹. Среди них были такие люди, как Каватакэ Мокуами, Рюка Тэйтанэкадзу, Дзэндзай Анэйки, Тозэй, Дандзюро-девятый, Удзи Сибун, Мияко Сэнтю, Кэнкон Борюсай и многие другие. Мокуами, например, с прадеда писал Кинокунию Бундзаэмона² в своей пьесе «Эдодзакура киёмидзу сэйгэн». Он умер лет пятьдесят назад, но потому, что ещё при жизни ему дали прозвище Имакибун («Сегодняшний Кинокуния Бундзаэмон»), возможно, и сейчас есть люди, которые знают о нём хотя

¹ *Токугава* — третья династия сёгунов, военно-феодалных правителей Японии (1603–1867).

² *Кинокуния Бундзаэмон* (1672–1734) — богатый торговец, послуживший прототипом героя пьесы «Эдодзакура киёмидзу сэйгэн», поставленной театром Кабуки в 1858 г.

бы понаслышке. Фамилия прадеда была Сайки, имя — Тодзиро, литературный псевдоним, которым он подписывал свои трёхстишия, — Кои, родовое имя — Ямасирогасино Цуто.

И вот этот самый Цуто однажды в публичном доме Таманоя в Ёсиваре познакомился с одним монахом. Монах был настоятелем дзенского храма неподалёку от Хонго, и звали его Дзэнтё. Он тоже постоянно посещал этот публичный дом и близко сошёлся с самой известной там куртизанкой по имени Нисикидзё. Происходило это в то время, когда монахам было запрещено не только жениться, но и предаваться плотским наслаждениям, поэтому он одевался так, чтобы нельзя было в нём признать монаха. Он носил дорогое шёлковое кимоно, жёлтое в бежевую полоску, с нашитыми на нём чёрными гербами, и все называли его доктором. С ним-то совершенно случайно и познакомился прадед матери.

Действительно, это произошло случайно: однажды поздно вечером в июле по лунному календарю, когда, согласно старинному обычаю, на всех чайных домиках Ёсивары вывешивают фонари, Цуто шёл по галерее второго этажа, возвращаясь из уборной, как вдруг увидел облокотившегося о перила мужчину, любующегося луной. Бритоголового, низкорослого, худого мужчину. При лунном свете Цуто показалось, что стоящий к нему спиной мужчина — Тикунай, завсегдатай этого дома, шутник, вырядившийся врачом. Проходя мимо, Цуто слегка потрепал его за ухо. «Посмеюсь над ним, когда он в испуге обернётся», — подумал Цуто.